

ИЗ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Литературный факт 2025. № 4 (38).
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 4 (38), 2025

Научная статья

УДК 821.161.1.0

<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-08-24>

<https://elibrary.ru/RSGTQQ>

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no. 4 (38), 2025

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

О неизвестной редакции романа Вс. Иванова «Кремль»

© 2025, Е.А. Есенина

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия

Работа выполнена в Институте мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 25-28-00107 «Из литературного наследия Всеволода Иванова конца 1920-х – начала 1960-х гг.» (<https://rscf.ru/project/25-28-00107/>).

Аннотация: В статье впервые рассматривается редакция романа Вс. Иванова «Кремль» из семейного архива писателя, которая датируется концом 1950-х – началом 1960-х гг. Неизвестная ранее редакция сопоставляется с первой, созданной писателем в 1928–1930-х гг. и при жизни Иванова не опубликованной. В статье нами употребляется термин «редакция» по отношению к этим текстам, несмотря на их существенные отличия. Стилистически и сюжетно перед нами два разных текста; мотив, объединяющий редакции романа «Кремль», — это противостояние новой власти и людей, связывающих себя с православной верой. Для творческой манеры Иванова было характерно создание нескольких вариантов произведений, резко отличающихся друг от друга (в частности, романы «Кремль», «Сокровища Александра Македонского»). Для характеристики первой редакции «Кремля» исследователи употребляют дефиницию «экспериментальный роман», что отражает особенности повествовательной структуры текста, отход от основ классической русской прозы. В редакции 1950-х–1960-х гг. Иванов возвращается к классическому типу повествования. В статье представлены архивные материалы, проясняющие историю неосуществившейся публикации романа в журнале «Красная новь». Несмотря на свой декларируемый атеизм, писатель на протяжении долгих лет интересовался историей мировых религий, в частности много размышлял о роли православия в России, и это отразилось в сюжете обеих редакций романа «Кремль», а также и в других текстах автора.

Ключевые слова: Вс. Иванов, роман «Кремль», неизвестная редакция, борьба с религией в СССР, антирелигиозная пропаганда, экспериментальный роман.

Информация об авторе: Екатерина Александровна Есенина — кандидат филологических наук, научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0001-3783-5971>

E-mail: katerinazinova@gmail.com

Для цитирования: Есенина Е.В. О неизвестной редакции романа Вс. Иванова «Кремль» // Литературный факт. 2025. № 4 (38). С. 8–24. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-08-24>

Замысел романа Вс. Иванова «Кремль», по воспоминаниям вдовы писателя, относится к 1922–1924 гг. [5, с. 524]. В исследовательских работах, посвященных произведению, за ним закрепилась дефиниция «экспериментальный роман» (см.: [11; 13; 14]). Данное определение отражает особенности повествовательной структуры текста, отход от основ классической русской прозы. Говоря о романе «Кремль», изначально важно отметить, что произведение имело несколько редакций, которые можно назвать так лишь условно, поскольку тексты резко отличаются друг от друга. Об этой особенности Иванова редактировать текст говорит М. Черняк, посвятившая диссертационное исследование вышеуказанным романам: «...изменение фразы вело к изменению ритма текста, поэтому, по мнению автора, нужно не исправлять слова, а создавать иной вариант фразы, фрагмента текста. Отмеченная особенность творческой индивидуальности Вс. Иванова и является причиной существования множества вариантов его произведений» [11, с. 27]. Такова была ситуация и со многими другими произведениями Иванова (например, роман «Сокровища Александра Македонского» насчитывал пять редакций, написанных в разной стилиевой манере (см.: [2]) и даже с написанием автобиографии: зафиксированы сведения, что Иванов на первых порах писал каждый раз новую автобиографию, не похожую на предыдущую, аргументируя это тем, что «ему скучно повторять одно и то же»¹.

Роман «Кремль» (первая редакция 1929–1930-х гг.) анализируется в диссертации М.А. Черняк [11], в монографиях Л.А. Гладковской², Л.П. Якимовой [14], в статьях А.В. Белинкова [1], А.М. Эткинда [13]; о творческой истории романа рассказывает вдова писателя Т.В. Иванова в статье «Писатель обгоняет время» [5]. В 2023 г. при передаче

¹ Иванова Т.В. Перелистывая страницы... // Всеволод Иванов — писатель и человек. М.: Сов. писатель, 1975. С. 357–443.

² Гладковская Л.А. Жизнелюбивый талант. Творческий путь Всеволода Иванова. Л.: Худож. лит., 1988. 304 с.

части семейного архива писателя в ОР ИМЛИ и составлении его описи были обнаружены две редакции романа, которые предположительно относятся к концу 1950-х – началу 1960-х гг. Эти тексты являются совершенно новым материалом для исследований. В настоящей работе, наряду с рассмотрением первой редакции романа, мы остановимся на анализе одной из этих редакций, которую выбрали в качестве наиболее цельной.

В 1929 г. Вс. Иванов с женой совершали поездку по приволжским городам — Ростову, Угличу, Ярославлю. В центре их внимания были старинные кремли и ярославская мануфактура — то, что составит потом сюжетную основу первой редакции романа. Иванов уже тогда начал интересоваться историей мировых религий и, в частности, много думал о роли православной церкви в жизни общества. Особой интенсивности размышлений способствовала обстановка того времени: «грабежи, аресты, голод, кошунства, вскрытия мощей, первые новомученики — зверски умерщвленные священники, епископы, митрополиты» [7, с. 568]. В 1918–1920 гг. с целью дискредитации церкви проводятся кампании по вскрытию мощей (вскрытие рак с мощами Александра Свирского, Тихона Задонского, Митрофана Воронежского), в газетах появляются многочисленные статьи об обмане верующих священнослужителями [6]. В 1918 г. на страницах газеты «Правда» А. Коллонтай призывает к ликвидации православных монастырей³, в следующей своей статье под красноречивым названием «Попы еще работают» говорит о необходимости развития естественных наук с целью «подкосить старые суеверия, выбить фундамент из-под ног религиозного мышления»⁴. В это же время власть вводит запрет на деятельность синодальной типографии в Петрограде. С 1917 г. в России при непосредственном участии новой власти началось движение за «обновление» российской церкви с целью установления тесного сотрудничества с государством. На тот момент патриархом Московским был Тихон, не желавший мириться с большевистскими зверствами. В результате уже в 1918 г. патриарха арестовывают (однако вскоре под давлением общественности отпускают), после этого большевики несколько раз организовывают покушения на него. В 1922 г. произошел раскол, в результате которого «Русская Церковь была разделена на патриаршую во главе со святителем Тихоном и обновленческую» [7, с. 576]. Этот исторический факт отражен в рассказе Иванова «Счастье епископа Валентина» (1927), в котором писатель показывает чело-

³ Правда. 1918. 10 нояб.

⁴ Правда. 1918. 29 дек.

века в столкновении личных, простых устремлений, (тихая мирная жизнь, общение с природой, Богом) и навязанных ему задач (борьба с «тихоновщиной», служение «живой церкви»). Писатель пытался понять, какова роль церкви в сохранении нравственной культуры и к чему может привести разрушение веры. Поэтому мотив, который объединяет все редакции романа «Кремль», — это противостояние новой власти и людей, связывающих себя с православной верой.

Работа над первой редакцией была окончена в 1929 г., после чего автор отдал часть романа (пролог и первые пять глав) для печатания в журнал «Красная новь», но получил отказ. Разыскания Е.А. Папковой в РГАЛИ показали, что в фонде Г.А. Санникова, который в 1927–1930 гг. заведовал редакцией журнала, имеются протоколы заседания редколлегии этого периода, проясняющие историю публикации романа «Кремль». Сохранился проспект, где перечислены произведения, которые должны были быть опубликованы в 1928 г. — это новые романы М. Горького и роман Вс. Иванова «Кремль»⁵. Спустя год было принято решение «сдать в Госиздат объявление о подписке на 1929 г. с указанием, что с первой книжки начнутся печатанием роман Вс. Иванова “Кремль”, отрывок из романа Гладкова “Энергия” и повесть К. Федина “Старик”»⁶. Однако публикация романа Иванова так и не состоялась. Причины отчасти понятны из чернового протокола № 10 заседания редколлегии «Красной нови». В нем указывается на то, что Иванов «психологически чув<ствует>, что удар по П<ильняку> есть и по нему»⁷. На заседании присутствовал Б. Волин, который своей статьей «Недопустимые явления»⁸ открыл литературную кампанию осуждения Б. Пильняка за публикацию романа «Красное дерево» в «издательстве берлинских белогвардейцев»⁹ (см.: [10]). В начале сентября 1929 г., во время нападков литературной общественности на Пильняка, Иванов решился выступить со словами примирения («...мне кажется <...>, Пильняк напутал, ошибся... По-моему, здесь какое-то недоразумение»¹⁰), что вызвало негативную реакцию членов редколлегии.

⁵ РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. 417. Л. 14.

⁶ Там же. Л. 35.

⁷ РГАЛИ. Ф. 3256. Оп. 1. Ед. 417. Л. 13.

⁸ Литературная газета. 1929. 26 авг. С. 1.

⁹ Имеется в виду издательство «Петрополис», созданное в 1922 г. как филиал петербургского одноименного издательства 1918 г., а в 1924 г. ставшее самостоятельным и публиковавшее также А. Ахматову, О. Мандельштама, Е. Замятина, И. Бунина, М. Алданова, В. Ходасевича и пр.

¹⁰ Литературная газета. 1929. 9 сент. С. 1.

В итоге роман Иванова был напечатан уже после смерти писателя — в 1981 и 1990 гг. В 1981 г. произведение вышло со значительными купюрами и под редакторским названием «Ужгинский кремль»¹¹. Издание 1990 г. было освобождено от редакторской правки и поэтому считается наиболее авторитетным [4].

В газете «Правда» 9 декабря 1934 г. была напечатана примечательная заметка, из которой видно, что писатель после неудачи с публикацией не оставил своего замысла, а пытался, несколько видоизменив, реализовать его, чтобы в итоге произведение было напечатано:

Я вздумал написать роман о православии и русском сектантстве. Мой роман создавался параллельно крушению религии в пределах бывшей Российской империи. Я наблюдал своих героев, бросаемых революцией в самые странные положения. Действие романа протекает в уездном кремле, откуда и название романа. В кремле находится центр защиты православия и патриаршества России. Епископ Гурий — главный герой романа, человек честолюбивый и умный; в числе прочих своих задач хочет напечатать Библию. История печатания Библии позволяет автору романа развернуть картину страны времен 1925–36 годов... <...> В середине 1935 года я надеюсь начать печатание романа «Кремль»¹².

Из этих слов мы понимаем, что замысел двух редакций 1950-х–1960-х гг. родился еще в 1930-е годы: в качестве главного героя появляется епископ Гурий с его задачей печатания Библии. Писатель отходит от экспериментальной стилистики рубежа 1929–1930-х гг. и создает произведение, в котором фигурируют уже другие герои. Уходит противостояние «кремль» — «мануфактуры», противостояние религии и власти, и на смену ему приходит новый герой, представитель священного сана. Задача, которую мы перед собой ставим, — сравнить редакции 1929–1930-х гг. и 1950–1960-х гг., проследить, как поменялся замысел автора, в связи с чем и как изменились вместе с тем формально-стилевые особенности произведения.

Содержание первой редакции романа «Кремль» напрямую связано с теми процессами, которые происходили в стране в 1920–1930-е гг. Смена социальных парадигм, противостояние старого и нового — это отражено в главной сюжетной оппозиции «Кремль» — «мануфактуры». Пространство в произведении также

¹¹ Иванов Вс. Ужгинский Кремль, М.: Худож. лит., 1981. 384 с.

¹² Правда. 1934. 9 дек.

четко поделено на две части: по одну сторону реки Ужги находится старинный кремль, с некоей группой людей, пытающихся издать Библию на русском языке; по другую сторону располагаются мануфактуры, стремящиеся создать новую жизнь, но понимают они ее «столь же вульгарно <...>, как церковники религию» [5, с. 514]. На стороне кремля создается «религиозно-православное общество», которое по сути своей напоминает хлыстовскую секту [13]. Религиозная проблематика присутствует во всех редакциях «Кремля», она также возникает и в других произведениях писателя, например, в рассказе «В святую ночь» (1915). Рассказ построен по принципу антитезы: Ангел Смерти в нем противостоит Ангелу Мира. Возникает мотив богооставленности человека. Ангел Мира просит остановить кровопролитие в мире, но Ангел Смерти торжествует. Несмотря на свой декларируемый атеизм, Иванов на протяжении жизни активно интересовался историей мировых религий, особенно выделяя при этом буддизм, что нашло отражение, в частности, в повести «Возвращение Будды» (1922). Религию Иванов рассматривал как фактор, определяющий исторические пути общества, как оплот нравственных ценностей: «Существует огромный, дорогостоящий организм — православная церковь. Существует, несмотря на то, что всеми учеными совершенно точно и бесспорно доказано, что церковь — вздор, а вера в бога — бессмыслица, но пусть церковь — вздор, она существует. Существует потому, что больше всех говорит о добре»¹³.

Однако в «Кремле» эта тема развивается особым, пародийно-сатирическим образом. Людями, далекими от истинного Бога, изображаются не только жители мануфактур, но и представители так называемого религиозно-православного общества. Издание Библии церковники рассматривают лишь как средство борьбы за власть, и лидером в этом вопросе становится Агафья — героиня, воплощающая в себе все плотское, греховное, образ которой разрушает идеал матери («не великая мать, а, оказывается, великая б...») [4, с. 236]. Священное писание в действительности ей не знакомо: «Она смотрела в Евангелие, пытаясь прочесть эту книгу, которую она, кажется, и в детстве не читала, но, прикрываясь которой пыталась она владеть Кремлем. Она устала. Книга ей не понравилась» [4, с. 236]. Совершенно обезбоженными изображены и люди, работающие в мануфактурах. Это строители новой жизни, которые живут в казармах, в маленьких каморках-клетках. Грязь, несчастье,

¹³ Иванов В.С. Переписка с А.М. Горьким. Из дневников и записных книжек. М.: Сов. писатель, 1985. 477 с.

озлобленность — в таких словах описывается их жизнь. Среди них выделяется герой по фамилии Вавилов. Он и становится во главе борьбы с Кремлем.

По точному определению литературоведа А. Эткинда, «в романе “Кремль” хаотически действуют множество неразличимых между собой персонажей. В ста главах романа эти герои появляются и, сделав нечто — <...> исчезают без следа и памяти. Почти все они обозначены безличными именами, как, например, И.П. Лопта, Е.М. Чаев <...>, некие “пять-петров”» [13]. Действительно, следить за ходом романного сюжета достаточно сложно за счет большого количества персонажей и постоянно сменяющих друг друга, часто не мотивированных ничем действий. Эткинд предполагает, что это может быть связано с задачей писателя показать историю как «движение масс, а не одиночек» — идеей, которая была весьма созвучна эпохе. Ощущение хаотичности происходящих событий усиливается и за счет композиционного построения романа: он разделен на сто глав, многие из которых внутри себя также имеют несколько частей (вплоть до двадцати), при этом после девятой главы сразу следует шестьдесят первая. Произведение лишено психологизма в изображении героев, череда их поступков описывается механистично, вследствие этого стиль повествования напоминает такую технику, как автоматическое письмо сюрреалистов. Предложения лаконичны, часто представляют собой констатацию фактов, полны лексических повторов: «Рука нашла его руку. Он пожал ее. Да, он любит Л. Овечкину. Раздался смех, а затем гудок. Он обернулся. Это была Зинаида» [4, с. 255]; «Он гудел упрямо. Вавилов почувствовал, что смеется. Овечкина держала его за руку. Он руководил погрузкой» [4, с. 255]. А. Эткинд проводит параллель между стилем романа и древнерусскими летописями и говорит о том, что «...“Кремль” вполне революционным путем разрушает новеллистическую традицию как таковую...» [13]. Мысль о возвращении романа начала XX в. к летописным истокам была высказана О. Мандельштамом в статье «Конец романа»: «Очевидно, силою вещей современный прозаик становится летописцем, и роман возвращается к своим истокам — к «Слову о полку Игореве», к летописи, к агиографии, к Четьи-Минеи» [8, т. 2, с. 205]. Одним из самых ярких моментов, иллюстрирующих связь романа Иванова с древнерусской стилистикой, является плач-причитание Агафьи, напоминающий читателю плач Ярославны из «Слова о полку Игореве»: «И поднялась луна — волжское солнышко, и обращаюсь я к ней: “...Ты скажи мне, братец, волжское солнышко, про чужую сторонushку, так ли там трусят, и так ли там смелы Ага-

фьюшки, и такая ли у них дума — вековая болезнь о боге? Не вместе ли вы, православные, которые теперь от меня отстают, не вместе ли приходили в поздний вечер на всенощную в собор, не вместе ли по иконам ставили свечи...» [4, с. 132]. Пародийно вписывается в контекст 1920-х гг. фольклорный персонаж — семиглавый дракон, который вступает в бой с героем Измаилом и после этого ведет с ним беседу: «Я извиняюсь перед вами, Измаил. Конечно, шутки мои были неуместны. И вы вправе обладать дерзостью большей, чем напостовцы. Ты не можешь бороться за революцию, но предупреждаю тебя, что при самом благоприятном случае я вылезу. Что же касается срубленных голов, то это даже удобно, меньше табака потребуется, а то сам знаешь, какой табак сейчас отвратительный вырабатывают, не додерживают, с пылью» [4, с. 127].

Действительно, в первой редакции «Кремля», на наш взгляд, отразились поиски Ивановым новой романной формы, поиски в области обновления романного языка, что было вполне в духе того времени — кризисного для романного жанра. Особенность повествовательной манеры, близкой жанру сказа, отмечает А.В. Белинков:

Главное свойство этого произведения, абсолютно преобладающее над всеми остальными и на все остальное распространившееся и определившее его жанр, — это стилистически-интонационные построения. <...> Очень близкое явление мы знаем в сказе, то есть в жанре, возникшем именно в связи с характером, принадлежностью и адресом речи. В романе всем правит речь, генеральным речевым мотивом оказывается высоко поднятая мерность библейского стиха: людей убивают и насилуют, они рождаются и гибнут, любят и предают, а голос романа ровен, как голос летописца [1, с. 150].

Л. Якимов в своем исследовании высказывает предположение, что «Кремль» Иванова восходит к так называемой производственной прозе («Цемент» (1925) Ф. Гладкова, «Гидроцентраль» (1930) М. Шагинян и др.). В ней, как правило, действие завязывается с приходом в трудовой коллектив нового человека, каким и является Вавилов. Его появление связано с основным конфликтом в произведении, противоборством двух общин: «церковников» и жителей мануфактур. Однако в отличие от типа рабочего-коммуниста, он очень не уверен в себе, поглощен различными страхами и мыслями о суициде, спокойно наблюдает за тем, как разрушаются древние храмы ради нужд построения новой пролетарской культуры [14].

В 2023 г. в семейном архиве Вс. Иванова были обнаружены две более поздние редакции романа «Кремль». Первый текст представляет собой автограф с авторской правкой, озаглавленный «От первой книги Моисеевой до книги Неемии», второй текст — машинопись с несколькими случаями авторской правки, без заглавия. Автограф и машинопись, включая сходные фрагменты, например сцену у реки с «дьяволицей», рассказ о биографии епископа Гурия, во многом различаются между собой. Эти тексты лежали в папке, на которой был указан 1929 г. Однако вместе с ней были обнаружены и две другие папки. На одной написано: «“Кремль”. (Материалы к варианту 1960 г.) Апрель 1960. Переделкино», на другой, поверх зачеркнутого названия «“Кремль”. Роман. 1929 г.», Ивановым сделана запись: «Черновики. 1960 г.». Была обнаружена также обложка папки, на которой имеется зачеркнутая автором запись «“Кремль”. 1958. Роман». В первых двух папках содержатся разного рода выписки, наброски к роману, среди которых имеется газета «Комсомольская правда» 1960 г., где рядом с газетным фельетоном под названием «Скандал в “святом семействе”»¹⁴ рукой Иванова написано «Кремль». В фельетоне высмеивается покойный архиепископ Мелетий (1859–1934) из старообрядцев, не пожелавший даже на смертном одре открыть тайну спрятанных им денег: «Пропадом пропали мои деньги!.. Никому не скажу, где зарыл»¹⁵. Здесь мы видим явную параллель к образу протоирея Лексиевского из машинописной редакции романа, и мотиву спрятанных им сокровищ, что является аргументом в пользу датировки текста 1960-м г. «Ему и трудно было говорить от слабости, которая им овладевала все больше и больше, <...> и жалко, наверное, было рассказывать о тех камнях, которые ему доверили, хотя и велено было сразу же по приезде передать и сообщить о сокровищах церкви молодому архиерею и хранить их вместе. <...> — Я спрята-
тал, — сказал протоирей»¹⁶ (Л. 71).

В редакциях романа, представленных автографом и машинописью, главным героем является епископ Гурий, у которого среди прочего есть задача печатания Библии. Однако облик Гурия в них разный: в рукописном тексте Гурий предстает хитрым, хладнокровным стяжателем, в машинописном — правдоискателем. В рамках настоящей статьи нами анализируется первый из названных текстов,

¹⁴ Комсомольская правда. 1960. 12 июня.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Иванов Вс. Кремль. Семейный архив Всеволода Иванова. Далее в тексте статьи это произведение цит. по машинописи из семейного архива Вс. Иванова с указанием номера листа. [Архив не пронумерован]

представленный авторизованной машинописью, как наиболее цельный по сюжетной структуре, хотя нельзя с уверенностью сказать, что именно он был первым написан автором.

Новая версия «Кремля» создавалась Ивановым в обстановке усиления гонений на церковь. После военного времени, когда вследствие нависшей над страной опасности правительство изменило религиозную политику (были освобождены из лагерей многие священнослужители, начали открываться приходы и пр.), при Хрущеве был утвержден план под названием «Мероприятия по укреплению атеистического воспитания населения» [7]. Снова были закрыты многие храмы, из учебников истории изымалась любая информация, касающаяся темы православной веры. В этой обстановке Иванов снова возвращается к своему роману, но кардинально меняет его. Время действия — 1920-е годы, НЭП, место действия — город Костов. Композиционно текст делится на пятнадцать глав, в нем несколько сюжетных линий. Центральная линия связана с представителем духовенства — епископом Гурием. Если в редакции 1929 г., где среди героев тоже присутствует епископ Гурий, он не выделяется на фоне остальных многочисленных персонажей, то в поздней редакции Гурий представлен как классический романый герой с психологическими мотивировками, подробной биографией. Автор рассказывает о становлении Гурия: с детства строгий мальчик, аскет, ждавший «озарения», в конце 1915 г. получивший звание врача и в это же время постригшийся в монахи. Он сам для себя определяет жизненную задачу:

После заседания, на котором Собор принимал воззвание о помощи и о молитвах восточных патриархов, дабы помогли спасти они церковь от коммунистов, молодой архимандрит подошел к председательствующему и сказал:

— Благословите, святой отец, поехать на Восток. Желаю поклониться мощам, побывать на Афоне и рассказать о бедствиях России, которую ожидает нечто подобное игу мусульманском» (Л. 43).

Однако и там он не находит истины: «В страданиях откроется подлинный бог, — подумал Гурий, — а не в этих жирных обителях и не среди этих лживых монахов» (Л. 44). И возвращается в Россию, в Москву, так как «страданий больше всего в Москве» (Л. 44). Герой решает вести некую тайную борьбу: «Он выбрал несколько юношей, <...> и ради послушания направил их в город Костов <...> Его юноши должны были вступить на советскую службу, в партию,

в профсоюзы, — всюду, куда он не пожелает, и нести послушание, негласно и тайно помогая церкви...» (Л. 45). Гурий называет их «тайными христианами», и в том, чтобы приобщить к этому объединению как можно больше людей, он видит путь к всеобщему спасению.

Описываемое Ивановым явление, как известно, имело место в СССР в 1920-е–1980-е гг. и именовалось «катакомбной церковью» [12]. В это время в «подполье» ушли многие верующие, которые вследствие несогласия с новой политикой оказались на нелегальном положении и для которых совершение религиозных обрядов из-за закрытия значительной части храмов стало невозможным. К подобным «тайным» христианам в настоящей редакции относятся профессор Основа, Реньжин, Никон Ильиных, Василий Шубин, Федор Дяттерев. Именно Основа и Реньжин приносят Гурию из Москвы, от Святейшего синода, известие о том, что надо начинать дело печатания Ветхого и Нового заветов по новой орфографии, пустить Библию в народ. И задача Гурия — собрать на это средства. Гурию говорят, что в Москве это сделать невозможно из-за более пристального внимания новой власти: «Что это такое — почему Библия, когда, скажем, к примеру, Ленина не успеваем печатать» (Л. 116). Таким образом, мы видим, что мотив печатания Библии в связи с противостоянием власти является общим для первой редакции романа и для редакции 1950–1960-х гг. В последней уже совершенно открыто говорится о борьбе против социализма: «...Германия и Англия с их демократическими правительствами, помогут разбить рабочий класс и социализм...» (Л. 130). Епископ Гурий в беседе с профессором Основой и Реньжиным полагает, что борьба возможна лишь силами религиозного движения: «Я говорю опять же о христианстве, но истолкованном по-новому, по более высокому, но более талантливому» (Л. 129). Это он и пытается воплотить в жизнь, становясь идейным лидером тайного христианского общества и обращая в веру упомянутых выше персонажей. Тяжелобольного Никона Ильиных он выхаживает в больнице, после чего посвящает в «тайные». Епископ научает его, как привлекать людей в их общество, чтобы «разбросить дальше сети» и в итоге стать «утешителями народа» (Л. 144). Судья Василий Шубин, жалуюсь епископу на тяготы семейной жизни, говорит о том, что ушел бы в монастырь, «да жалко, распустили их» (Л. 146). Шубина Гурий также привлек к «тайным», познакомившись с ним, когда тот был безработным и устроив его работать на завод. При этом и Никон, и Василий Шубин так или иначе остаются людьми сомневающимися, не устойчивыми в вере. Важно отметить, что

в отличие от первой редакции романа «Кремль», где мы не видим практически ни одного истинно верующего героя, в анализируемой редакции 1950–1960-х гг. все же есть люди, ищущие Бога. Прежде всего это, разумеется, сам епископ Гурий, а также Елизавета — героиня, которую мы встречаем на первых страницах романа и которая поначалу воспринимается Гурием как искушение дьявола, поскольку, выходя из реки, она предстает перед ним в обнаженном виде. Она тверда в своей вере, не готова отречься от Бога, несмотря на уговоры молодого Василия Волкова, влюбленного в нее: «Кого ж ты любишь?» — «А бога» (Л. 99). Слова Елизаветы о сущности веры и сущности советской власти из диалога с Волковым («Наша власть, чтобы побольше помогать несчастным. Я ведь против советской власти ничего не имею, но она помогает счастливым» — Л. 100) перекликаются с фрагментом из книги воспоминаний А.К. Воронского «За живой и мертвой водой» (1927). В ней автор разговаривает с умирающей сестрой Лялей, и та произносит такие слова: «Социализм для здоровых и крепких. Он не для нас, убогих и сирых, обиженных и умирающих» [3, с. 71]. Вс. Иванов был знаком с Воронским с 1921 г., сохранилась их переписка (см.: [18]), поэтому вполне вероятно, что процитированный фрагмент из воспоминаний является источником слов Елизаветы из поздней редакции романа «Кремль».

В этой редакции Иванов критически осмысляет события, связанные с революцией, говорит об изменениях в культурной, духовной жизни общества послереволюционной России. С одной стороны, в произведении дается неприглядный портрет некоторых представителей духовенства. Православная церковь словами Гурия характеризуется как «спившаяся», из чего он делает вывод о том, что «церковь должна собирать богоносцев, собирать их на громадную и новую идею...» (Л. 129). При этом и о правительстве говорится как о «правительстве дьявола»: «Мы постоянно воюем с дьяволом, а если правительство открыто признает, что оно за дьявола, то волей-неволей, мы и воюем с ним. Религиозным оружием, конечно» (Л. 131). Карикатурно описан протоирей Лексиевский, самозабвенно предающийся винопитию и чревоугодию. «Это была старая церковь, жадная, брюхастая, плотоядная, вся увешанная орденами, в шелковых ризах и цветных мантиях. Она любила попить, поесть, хоры которой пели молитвы богу, так же успешно пели при ней песни цыганские...» (Л. 69). Нэпманы представлены как «новые люди, жульничеством вышедшие и приобретшие богатство...» (Л. 36). Повествование прерывается своего рода исторической справкой о политике нэпа.

С фигурой протоирея Лексиевского связана одна из главных интриг редакции 1950–1960-х гг. С этим героем в текст входит мотив спрятанных сокровищ. В результате драки протоирей оказывается при смерти и перед кончиной открывает епископу тайну о том, что у него дома хранятся сокровища церкви. При этом дает ему понять, что Гурий специально назначен в город Костов, чтобы охранять эти ценности. Гурий находит двенадцать ящиков с сокровищами в хлеву у протоирея и молитвой благодарит Бога за оказанное ему доверие в деле возвращения сокровищ церкви.

Можно сказать, что Епископ Гурий в этом случае является единственным положительным героем, однако к такому образу автор пришел не сразу. В так называемой промежуточной рукописной редакции конца 1950-х – начала 1960-х гг. он предстает хладнокровным стяжателем, которого занимает не только дело печатания Библии, но и мысли об обогащении. В машинописной редакции Гурий во мраке окружающей жизни видит путь к спасению лишь через борьбу с грехом, в котором погрязли и сторонники религии, и ее противники, а также через борьбу с «правительством дьявола». Финал романа остается открытым: Гурий смотрит вдаль и думает о том, что одному ему не по силам будет «выдержать эту выдумку с “тайными”» (Л. 158), а дальше будет только тяжелее, так как партия вскоре, по заветам Ленина, «будет выкорчевывать всякую смуту» (Л. 158). Надежд на раскол партии нет, «такие организации так не разваливаются, и дьявол силен» (Л. 158). Но от одной только мысли, что Гурий борется с неземными дьявольскими силами, ему становится легче на душе.

Какую же роль образ кремля играет в поздней редакции романа? Если в первой редакции он был в основе идейной оппозиции произведения (кремль — мануфактуры), то в редакции 1950–1960-х гг. он, по большей части, оказывается фоном, на котором происходят события. В середине романа автор в нескольких строках описывает кремль провинциального приволжского города Костова и то, какие изменения в нем произошли:

В 1913 году многие церкви городская костовская дума сломала и надстроила там сараев и складов <...> Теперь в Кремле склады леса, сена, хлеба, остатки монастырской типографии <...> В митрополичьих покоях, наиболее древних, со сводами, расписанными потолками, устроен музей, лежат в стеклянных шкафах ризы, мантии митрополитов костовских, митры, книги, которые некогда печатались в Костове, одежды рыцарей... (Л. 60)

Говорится также о том, что «вообще город забыл о Кремле и начальство туда редко заглядывает, только перед Пасхой и Рождеством, когда организуется в Кремле антирелигиозная выставка...» (Л. 61). И в Москву, и в областной центр из города идут успокоительные известия о том, что «религиозники убывают, а безбожники пребывают» (Л. 61). И действительно, эта редакция романа Иванова населена в основном безбожниками и почти стерты границы между представителями духовенства (Лексиевский, его жена Ксения Афанасьевна, любившая «все плотское») и нэпманами, для которых не существует никаких нравственных границ (Василий Волков, состоящий в связи с женой протоирея и убивающий его в ходе драки). Надежда возлагается лишь на Гурия, который в одиночестве идет сквозь «дантов ад» российской послереволюционной действительности и готов бороться дальше, хотя и осознает непомерную тяжесть поставленной перед собой задачи.

Итак, работа Вс. Иванова над романом «Кремль» растянулась на многие годы. Потерпев неудачу с публикацией, писатель не оставил свой замысел, а возвращался к нему снова. В результате радикальной переработки возник новый «Кремль», и стилистически, и сюжетно не похожий на роман в его первоначальном виде. В первой редакции противостояние двух общин, представителями которых являются Агафья и Вавилов, заканчивается апокалиптическим наводнением в конце: поднявшаяся вода от запущенной на реке электростанции начинает затоплять мануфактуры, и жители, ища спасения, переплывают на лодках на другой берег, на сторону «религиозников». После этого между ними начинается побоище, которое в итоге останавливает Агафья. Очевидно, Иванов расценивал религию и власть как две главные силы современности, и исторический контекст 1950–1960-х гг. (очередной этап борьбы власти с религией) снова подвигнул его начать работу над романом, но на материале 1920-х гг. В силу особенностей своего творческого метода писатель создает по сути новый текст, где сохраняется оппозиция «религия» — «власть», но действуют другие персонажи: епископ Гурий, пытающийся «религиозным оружием» бороться с тем, что принесло с собой новое время; протоирей Ликсиевский, олицетворяющий собой все пороки представителей церкви, жаждущий обогащения; Елизавета, которую не прельщают обещания молодого нэпмана Волкова и которая является олицетворением истинной веры. В первой редакции конфронтация «религиозников» и жителей мануфактур завершается открытой битвой, в которой нет победителей. В поздней редакции в финале романа создается ощущение устремленности

в будущее: Гурий думает о том, что, несмотря на все трудности, ему стоит продолжать борьбу. За время работы над романом «Кремль» Ивановым была собрана целая библиотека по истории православия. Интересным образом в нем сочетались, с одной стороны, атеизм, с другой стороны — неподдельный интерес к истории религий, который сохранялся у него до конца жизни. Первая редакция романа «Кремль» была полностью опубликована, как уже было упомянуто, в 1990 году; поздняя редакция 1950–1960-х гг. еще ждет встречи с читателем.

Литература

1. *Белинков А.В.* О романе Вс. Иванова «Кремль» // *Белинков А.В.* Распря с веком. М.: Новое литературное обозрение, 2008. С. 146–151.
2. *Быстрова О.В.* [Вступ. статья к роману Вс. Иванова «Сокровища Александра Македонского»] // *Неизвестный Всеволод Иванов: Материалы биографии и творчества.* М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 515–524.
3. *Воронский А.К.* За живой и мертвой водой. М.: Common Place, 2019. 496 с.
4. *Иванов Вс.* Кремль. У: Романы. М.: Сов. писатель, 1990. 528 с.
5. *Иванова Т.В.* Писатель обгоняет время // *Иванов Вс.* Кремль. У: Романы. М.: Сов. писатель, 1990. С. 512–526.
6. *Кашеваров А.Н.* Православная Российская Церковь и Советское государство (1917–1922). М.: Изд. Крутицкого подворья; О-во любителей церковной истории, 2005. 437 с.
7. *Лисовой Н.Н., Аннин А.А., Первушин М.В.* Христианство: век за веком: Очерки по истории христианской Церкви. М.: Даръ, 2011. 638 с.
8. *Мандельштам О.Э.* Собр. соч.: в 2 т. М.: Худож. лит., 1990. 464 с.
9. *Неизвестный Всеволод Иванов. Материалы биографии и творчества.* М.: ИМЛИ РАН, 2010. 783 с.
10. *Пильняк Б.А.* Письма: в 2 т. М.: ИМЛИ РАН, 2010.
11. *Черняк М.А.* Романы Вс. Иванова «Кремль» и «У» в творческой эволюции писателя: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1994. 221 с.
12. *Шкаровский М.В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве: Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964-х годах. М.: Крутицкое подворье, 2005. 424 с.
13. *Эткинд А.М.* Жить у Кремля и писать не для печати: романы Всеволода Иванова 1930-х годов // *Revue des Études Slaves.* 1999. Vol. 71, fasc. 3–4. P. 633–648.
14. *Якимова Л.П.* «При жизни произведен в классики...»: Всеволод Иванов в историко-литературном контексте 20–30 годов XX века. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2019. 256 с.

Research Article

On the Unknown Version of Vsevolod Ivanov's Novel *The Kremlin*

© 2025. Ekaterina A. Esenina

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Acknowledgements: The work was carried out at IWL RAS with the financial support of the Russian Science Foundation, project no. 25-28-00107 “From the Literary Legacy of Vsevolod Ivanov of the Late 1920s – Early 1960s” (<https://rscf.ru/project/25-28-00107/>).

Abstract: The article examines the version of Vsevolod Ivanov's novel, *The Kremlin*, discovered in the writer's archive in 2023, and proposes its dating, i. e., the late 1950s and early 1960s. The previously unknown version is compared with the first, which was created by the writer in the 1928–1930s and was not published during Ivanov's lifetime. In the article, we use the term “version” in relation to these texts, despite their significant differences. Stylistically, these are distinct texts; the trope uniting the versions is the confrontation between the new government and people who identify with the Orthodox faith. Ivanov's creative manner was characterized by the creation of several work's versions that sharply differ from each other (in particular, the novels *Kremlin* and *Alexander the Great's Treasures*). To characterize the first edition of the *Kremlin*, researchers use the definition “experimental novel,” which reflects the text's narrative structure and a rejection of the foundations of classical Russian prose. In the 1950s–1960s version, Ivanov chose a classic type of narrative. Archival materials are introduced into scientific use, clarifying the history of the unrealized *Kremlin* publication in the *Krasnaya Nov'* journal. Despite Ivanov's declared atheism, the writer was interested in the history of world religions for many years. In particular, he reflected a lot on the role of Orthodoxy in Russia, and these reflections influenced the plot of both *The Kremlin* versions, along with other texts.

Keywords: Vsevolod Ivanov, *The Kremlin*, the unknown version of *The Kremlin*, struggle against religion in the USSR, anti-religious propaganda, experimental novel.

Information about the author: Ekaterina A. Esenina, PhD in Philology, Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0001-3783-5971>

E-mail: katerinazinova@gmail.com

For citation: Esenina, E.A. “On the Unknown Version of Vsevolod Ivanov's Novel ‘The Kremlin’.” *Literaturnyi fakt*, no. 4 (38), 2025, pp. 8–24. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2025-38-08-24>

References

1. Belinkov, A.V. “O romane Vs. Ivanova ‘Kreml’.” [“About Vs. Ivanov's Novel ‘The Kremlin’.”] Belinkov, A.V. *Raspria s vekom [Struggle with the Century]*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2008, pp. 146–151. (In Russ.)

2. Bystrova, O.V. “Vstupitel’naia stat’ia k romanu Vs. Ivanova ‘Sokrovishcha Aleksandra Makedonskogo.’” [“Introductory Article to the Novel ‘Treasures of Alexander the Great.’”] *Neizvestnyi Vsevolod Ivanov: Materialy biografii i tvorchestva* [“Unknown Vsevolod Ivanov: Biography and Work Materials”]. Moscow, IWL RAS Publ., 2010. pp. 515–524 (In Russ.)
3. Voronskii, A.K. *Za zhivoi i mertvoi vodei* [For Living and Dead Water]. Moscow, Common Place Publ., 2019. 496 p. (In Russ.)
4. Ivanov, Vs. *Kreml’. U: Romany* [The Kremlin. U: Novels]. Moscow, Sovetskii pisatel’ Publ., 1990. 528 p. (In Russ.)
5. Ivanova, T.V. “Pisatel’ obgoniaet vremia” [“The Writer Overtakes Time”]. Ivanov, Vs. *Kreml’. U: Romany* [The Kremlin. U: Novels]. Moscow, Sovetskii pisatel’ Publ., 1990. pp. 512–526. (In Russ.)
6. Kashevarov, A.N. *Pravoslavnaia Rossiiskaia Tserkov’ i Sovetskoe gosudarstvo (1917–1922)* [Orthodox Russian Church and the Soviet State. 1917–1922]. Moscow, Krutitskoe podvor’e Publ.; Obshchestvo liubiteli tserkovnoi istorii Publ., 2005. 437 p. (In Russ.)
7. Lisovoi, N.N., A.A. Annin, and M.V. Pervushin. *Khristianstvo: vek za vekom: Ocherki po istorii khristianskoi Tserkvi* [Christianity: Century After Century. Essays on the History of the Christian Church]. Moscow, Dar Publ., 2011. 638 p. (In Russ.)
8. Mandel’shtam, O.E. *Sobranie sochinenii: v 2 t.* [Collected Works: in 2 vols.]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1990. 464 p. (In Russ.)
9. *Neizvestnyi Vsevolod Ivanov. Materialy biografii i tvorchestva* [Unknown Vsevolod Ivanov. Life and Work Materials]. Moscow, IWL RAS Publ., 2010. 783 p. (In Russ.)
10. Pil’niak, B.A. *Pis’ma: v 2 t.* [Letters: in 2 vols.]. Moscow, IWL RAS Publ., 2010. (In Russ.)
11. Cherniak, M.A. *Romany Vs. Ivanova “Kreml’” i “U” v tvorcheskoi evoliutsii pisatel’ia* [Vsevolod Ivanov’s Novels “The Kremlin” and “U” in His Creative Evolution: PhD Dissertation]. St. Petersburg, 1994. 221 p. (In Russ.)
12. Shkarovskii, M.V. *Russkaia Pravoslavnaia Tserkov’ pri Staline i Khrushcheve: Gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniia v SSSR v 1939–1964-kh godakh* [Russian Orthodox Church Under Stalin and Khrushchev: State-church Relations in the USSR During 1939–1964]. Moscow, Krutitskoe podvor’e Publ., 2005. 424 p. (In Russ.)
13. Etkind, A.M. “Zhit’ u Kremliia i pisat’ ne dlia pechati: romany Vsevoloda Ivanova 1930-kh godov” [“Live at the Kremlin and Write not for Print: Novels by Vsevolod Ivanov of the 1930s”]. *Revue des Études Slaves*, vol. 71, fasc. 3–4, 1999, pp. 633–648. (In Russ.)
14. Iakimova, L.P. “Pri zhizni proizveden v klassiki...”: *Vsevolod Ivanov v istoriko-literaturnom kontekste 20–30 godov XX veka* [“During the Lifetime He Was Made into Classics...”: Vsevolod Ivanov in the Historical and Literary Context of the 1920s–1930s]. Novosibirsk, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2019. 256 p. (In Russ.)